

При этом принятие в качестве залога любого движимого имущества, например в виде домашних животных, компьютерной, бытовой техники, является незаконным. Более того, их принятие может повлечь чрезмерные расходы на оценку, хранение и реализацию, а также будет иметь место риск утери, гибели, порчи такого имущества либо утраты их ценности.

Таким образом, из смысла ч. 3 ст. 145 УПК под понятием «иное имущество» должны подразумеваться эквивалентные по стоимости ценности, движимое и недвижимое имущество, полный перечень которых законодательно закреплён.

4. В последнее время становится нормой внесение на депозит суда порой сомнительно низких размеров денежных средств. При проверке у отдельных лиц, в отношении которых избирался залог меньше нижнего предела, выявлено зарегистрированное имущество: автомашины, магазины и т. д.

Принятие необоснованно низких размеров денежных средств не соответствует целям применения залога и не гарантирует исполнения обязательств.

5. Более того, в органах уголовного преследования сложилась негативная практика избрания мер пресечения, в том числе залога, с одновременным прекращением уголовного дела.

Изложенное свидетельствует о формальном применении меры пресечения и фактическом отсутствии надобности в этом.

6. При избрании мер пресечения в первую очередь следует рассматривать вопрос о возможности применения залога. Есть практика, когда к подозреваемым, обвиняемым лицам применяется подписка о невыезде и надлежащем поведении либо содержание под стражей, при этом согласно сведениям у них имеется залоговое имущество.

УДК 343.133

Ю.С. Климович

СООТВЕТСТВИЕ ФОРМЫ СОДЕРЖАНИЮ В КОНТЕКСТЕ гл. 49 УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Общезвестно, что в основе инструментария современной науки находятся важнейшие философские категории, в том числе такие как содержание и форма. Первая указывает на совокупность элементов, процессов и связей, которые составляют тот или иной предмет исследования или явления. Вторая – внешнее выражение содержания, конфигурация вещи, предмета, способ его существования. При этом положительными характеристиками наделяется ситуация соответствия формы содержанию. Указанное в полной мере справедливо и для юридической науки.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на положения гл. 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» УПК. Приведенное название однозначно дает понять, что отечественный законодатель зафиксировал ряд изъятий из процессуальной формы для определенных категорий лиц, наделенных так называемым служебным иммунитетом в связи с занимаемой ими должностью и выполняемыми функциями, которые могут иметь место исключительно при производстве по уголовному делу. Однако детальное прочтение статей анализируемой главы показывает, что закрепленные в ней особенности не только распространяются на производство по уголовному делу, но вполне могут иметь место и на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в ст. 468² УПК речь идет об особых правилах возбуждения уголовного дела, когда таким правом наделяются специальные субъекты. В ст. 468³ УПК обозначены исключения из общего порядка задержания, которые по смыслу данной нормы (допускается задержание на месте совершения преступления) могут иметь место и до возбуждения уголовного дела. Ч. 2 ст. 468⁴ УПК среди прочего устанавливает особые правила производства следственных действий, выполняемых с санкции прокурора, с участием лиц со служебным иммунитетом в случаях, когда уголовное дело возбуждено не было.

Отмеченное несоответствие названия главы ее содержанию неприемлемо для УПК, который по своей природе должен быть построен на строгих формально-логических конструкциях. Как показывает практика, это создает трудности не только лицам, обучающимся процессуальной науке, но и не позволяет правоприменителю правильно осознать объем и границы действия служебного иммунитета применительно к различным стадиям уголовного процесса.

Гл. 49 УПК не лишена, на наш взгляд, и других недостатков. Как отмечалось выше, ст. 468³ УПК фиксирует особенности задержания отдельных категорий лиц. Они сводятся к тому, что указанные в данной норме субъекты не могут быть задержаны и иным образом лишены личной свободы, кроме как по предварительному согласию конкретного должностного лица либо государственного органа, а также в случаях совершения измены государству, иного особо тяжкого преступления либо задержания на месте совершения преступления. Во-первых, представляется не совсем корректной возможность задержания лица «в случаях совершения измены государству, иного особо тяжкого преступления», так как подобная формулировка не согласуется с присутствующей в УПК презумпцией невиновности. Законодателю, очевидно, следует вести речь о подозрении либо обвинении в совершении указанных преступлений. Во-вторых, проблемой для понимания является указание о запрете помимо задержания любого иного образа лишения личной свободы лиц, обладающих служебным иммунитетом. Какой конкретно вид принуждения в данном случае имеет в виду законодатель? С учетом названия ст. 468³ «Задержание и иные меры процессуального принуждения» УПК можно подумать, что речь идет об обязательстве о явке, приводе, временном отстранении от должности, наложении ареста на имущество, временном ограничении права на выезд из Республики Беларусь, так как именно эти действия согласно уголовно-процессуальной терминологии и классификации относят к иным мерам процессуального принуждения. Конечно, подобное предположение выглядит более чем сомнительным – трудно себе представить, что законодатель имел своей целью создать гарантии от необоснованного применения иных мер процессуального принуждения, сохранив при этом обычный порядок реализации более строгих мер пресечения. В других разделах УПК лишение свободы упоминается в контексте одноименной разновидности уголовного наказания. С учетом того что о запрете иным образом лишать личную свободу говорится в связке с задержанием, можно подумать, что речь идет о физической свободе лица, а следовательно, под запретом должно находиться заключение под стражу как наиболее сходная по своей природе мера принуждения. Однако в ст. 468⁴ УПК обозначено правило о том, что после возбуждения уголовного дела либо привлечения лица, обладающего служебным иммунитетом, в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц либо по факту совершенного преступления, применение меры пресечения, за исключением заключения

под стражу или иного лишения личной свободы, производство следственных действий в отношении такого лица осуществляются в порядке, предусмотренном УПК. По смыслу данной нормы, взятой в отдельности, иное лишение личной свободы разработчики гл. 49 УПК относят к мерам пресечения, но не отождествляют с заключением под стражу, оставляя вопрос о его сути открытым. Такая неоднозначность и противоречивость в вопросе установления гарантий для отдельных категорий лиц от необоснованного применения мер принуждения не может вызывать одобрения. Считаем, законодателью следует отказаться от нормативного использования конструкции «иной образ лишения свободы» и конкретно определиться с названием и видом мер принуждения, от необоснованного применения которых он готов создать дополнительные гарантии для лиц, указанных в гл. 49 УПК. В целом гл. 49 УПК нуждается в системном совершенствовании составляющих ее положений.

УДК 343.1

А.А. Козьявин

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Уголовное судопроизводство как социальная система неминуемо предполагает принятие социально эффективных, властных, воздействующих на личную волю решений для гармонизации нарушенных общественных отношений. Такое социальное воздействие в рамках принятия уголовно-процессуальных решений есть по существу деятельность управленческая, для научной характеристики которой в философии еще со времен Аристотеля используется понятие «политика», олицетворяя искусство управления.

В уголовном процессе политическое начало выражено в том, что, как и в случае с уголовной политикой борьбы с преступностью, политический режим общества задает цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности, а также в том, что их реализация связана с принятием решений, в рамках которых по внутреннему убеждению оценивается широкий круг социально значимых обстоятельств – от доказательств и их юридического качества до факторов, обусловивших совершение преступления. На его принятие также оказывают влияние множество социальных факторов – мораль, правовая идеология, социальные запросы, общественное мнение и т. д.

Не претендуя на истину в последней инстанции, но проанализировав новации в сфере уголовно-процессуального права и практику его применения в последние годы, полагаем возможным сформулировать новейшие тенденции уголовно-процессуальной политики.

1. В России продолжается реформирование уголовно-процессуального права без изменений в организационной структуре, пронизывающей сам уголовный процесс. В целом фундаментальной проблемой действующего УПК РФ остается его сущностная эклектичность: в нем плохо уживаются общие демократические параметры уголовно-процессуальной формы и советская организационная структура, обусловленная давно сложившимися управленческими отношениями в сфере раскрытия преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел. Более того, как показала реформа порядка проверки законности и обоснованности судебных решений, данная тенденция только упрочняется в российской законотворческой политике: введение всеобщей апелляции не сопровождалось ни изменениями в судебной системе, ни в кадровом обеспечении судов, ставших новыми апелляционными инстанциями, в самой процессуальной форме были заложены нормы, направленные на консервацию постсоветской организации процессуальной деятельности (деление решений на промежуточные и итоговые, допрос свидетелей в судебном заседании по усмотрению суда, возможность отмены решений с возвращением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции и прокурору и т. д.). Полагаем, реформу досудебного производства, включая возможное введение следственных судей, с учетом содержания предлагаемых концепций ждет та же судьба.

2. За последние 15 лет резко усилилась формализация уголовного судопроизводства, возникла тенденция его стандартизации в части правоприменения норм, регламентирующих доказывание и принятие процессуальных решений. У данной тенденции имеются две независимые причины: процессуальная и бюрократическая. Первая – институт исключения доказательств как недопустимых ввиду процессуальных нарушений, который существенно повысил усилия адвокатов-защитников, которые, объективно не обладая содержательными полномочиями в сфере уголовно-процессуального доказывания, всю активность перенесли на формальные требования к доказательствам. Это вызвало «защитную реакцию» со стороны следственной практики и «надзорную реакцию» со стороны органов прокуратуры, которые также сосредоточили внимание на формально-юридических, а не содержательных требованиях. Вторая причина обусловлена новыми техническими возможностями подготовки процессуальных документов, копирования электронных документов, их частей, создания шаблонов, быстрого получения и электронной обработки разнородной статистической информации, в результате чего формализация и статистическая отчетность были признаны в правовых кругах «главнейшим злом» современной следственной и судебной практики.

3. Дифференциация уголовно-процессуальной формы, изначально присутствовавшая в УПК РФ, стала все более бессистемно изменять свои критерии. Так, сегодня можно смело говорить о формировании предметных особенностей производства по уголовным делам. Яркий пример – дела о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, в которой как раз актуальна введенная в УПК преюдиция решений арбитражных судов, уже есть особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, свои особенности проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела (в части налоговых преступлений и преступлений в кредитно-финансовой сфере), свое основание для прекращения уголовного дела.

4. Происходит постепенное и далеко не бесспорное сближение административной, полицейской, оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального доказывания, которое стало возможно в связи с расширением с 2013 г. познавательных возможностей доследственной проверки, закреплением правил о допустимости в качестве доказательств данных, полученных непроцессуальным путем в ходе проверки. Представляется, развитием этой тенденции может стать ликвидация стадии возбуждения уголовного дела, хотя многие ученые понимают, что реальная причина проблемы находится не в теории доказательств, не в нормативных конструкциях закона, а в принимаемых процессуальных решениях, причем в конце предварительного расследования, а именно в институте прекращения уголовного дела, который в силу уже упомянутых «отчетно-показательных» причин почти не применяется.

5. Последняя тенденция уголовно-процессуальной политики, которую можно идентифицировать сегодня, является особенной, ибо в ней переплетаются, пожалуй, все традиционные социальные противоречия современной России: роль личности в политике,